

Разящии Аверченко

Моск. правда - 2006 - 21 марта - с. 4.

Аркадий Аверченко - писатель-юморист, драматург, театральный критик. И сразу напрашивается эпитет «блестящий».

А там, где кончается

звездочки точка,
месяц улыбается

и заверчен, как
будто на небе строчка

из Аверченко, - писал Маяковский. И действительно, Аверченко умел завертеть строчку в юмористическом танце. Со словом Аверченко был на «ты» и стал настоящим кудесником фраз. И это более чем удивительно, ибо за его спиной было всего лишь два класса гимназии. Но недостаток образования компенсировал природный ум и, конечно, талант.

Аркадий Тимофеевич Аверченко родился 15 (27) марта 1881 года в Севастополе, в небогатой купеческой семье. Мать Сусанна Павловна родила 9 детей - шесть девочек и трех мальчиков, двое из которых умерли во младенчестве. Сестры же писателя, за исключением одной, надолго пережили своего брата. Отец Тимофей Петрович, как мы говорим сегодня, был мелким предпринимателем и держал в Севастополе три бакалейные лавки.

В одном из писем Аверченко вспоминал свое детство: «Девяти лет отец пытался отдать меня в реальное училище, но оказалось, что я был настолько в то время слаб глазами и вообще болезнен, что поступить в училище не мог. Поэтому и пришлось учиться дома. С десяти лет пристрастился к чтению - много и без разбора. Тринадцати лет пытался написать собственный роман, который так и не закончил. Впрочем, он привел в восторг только мою бабушку».

Трудовую деятельность Аверченко начал в 15 лет в качестве младшего писца, затем конторщика и бухгалтеря в частной транспортной конторе. Служащий из него был никакой, и хозяин собирался его уволить, но мать упростила оставить, пообещав, что сын исправится и подтянется. Увы, не исправился и не подтянулся. Сам Аверченко вспоминал: «Вел я себя с началом настолько юмористически, что после семилетнего их и моего страдания был уволен». Это произошло в 1907 году. При увольнении ему сказали: «Вы хороший человек, но ни к черту не годитесь». Но Аверченко не унывал, он уже определил свой жизненный путь - только литература. Его первый рассказ был опубликован в газете «Южный край» 31 октября 1903 года.

Один из его знакомых вспоминал: «Аркаша Аверченко был высокий, худой, как жердь, молодой человек. Он затмевал на вечеринках всех своим остроумием и удачными смешными экспромтами...» То есть обладал искрящимся чувством юмора. Он редактировал сатирический журнал «Штык», а потом «Меч». Сотрудничал со «Стрекозой» и, наконец, по-настоящему проявил себя в «Сатириконе», редактором которого стал в 1913 году, а потом организовал «Новый Сатирикон». Тот самый «Сатирикон», который, по свидетельству Куприна, «в то смутное, неустойчивое, гиблое время был чудесной отдушиной, откуда лил свежий воздух». В каждом номере Аверченко печатал юмористические рассказы, фельетоны, театральные рецензии, сатирические миниатюры. Вел раздел «Почтовый ящик». Вот как, к примеру, это выглядело:

«Ст. Грачево. Ки-мо-но. «Посылаю лучшее, что написал:

Бубенцы,

рассыпаться словно горох.

Эх, помчись ты, взвейся,

тройка...»

«Тпру... Не надо.

Зря скачете».

И вот это аверченковское «зря скачете» разило наповал. Откровенный смех и буффонность стиля писателя позволили критикам назвать его русским Марком Твенем. Один из первых рассказов Аверченко появился в «Журнале для всех». И это было символично: Аверченко стал писателем для всех. Его любил читать даже император Николай II. Весело. Свежо. Остроумно. Но не только. В своих публикациях Аверченко бичевал замшелость общественных устоев России, мещанство с его ленью, жадностью и глупостью, с его стремлением выглядет непременно красиво. «Утром, когда жена еще спит, я выхожу в столовую и пью чай с женой теткой. Тетка - глупая, толстая женщина - держит чашку, оставив далеко мизинец правой руки, что кажется ей крайне изящным и светским изнеженным жестом...» (рассказ «День человеческий»).

Подчас издевательский смех Аверченко переходил в сатирический вопль. Вот что он писал о цензорах (да разве только о них?). «Какое-то сплошное безысходное царство свинцовых голов, медных лбов и чугунных мозгов. Расцвет русской металлургии».

Как выглядел Аверченко? Он был весьма плотным. Его мясистое лицо, спокойное, казавшееся неподвижным, редко озарялось улыбкой. Самые смешные вещи Аверченко говорил как бы небрежно, цедя сквозь зубы. Хохотали все, а он оставался невозмутимым, чуть щуря близорукие глаза под стеклами очков.

Успех «Сатирикона», большие тиражи книг, многочисленные выступления принесли Аверченко материальное благополучие. Он жил в уютной квартире на Троицкой улице, вечера, как правило, проводил в ресторане «Весна» на углу Гороховой, в обществе друзей-сатириковцев, писателей, актеров, музыкантов. Как писал один из завсегдатаев: «Аверченко - магнит «Весны». Где Аверченко - там хохот, веселье, озорство и компания... Остроты, эпиграммы, каламбуры...»

И все это рухнуло с революцией - благополучие, банковский счет, квартира, которую «уплотнили», улетучилось веселье, угас смех. Сначало писатель пытался шутить: «Да черт с ним, с этим социализмом, которого никто не хочет, от которого все отворачиваются, как ребята от ложки с касторовым маслом». Но вскоре было не до шуток. Надвигался голод. «Новый Сатирикон» закрыли, и писатель, спасаясь от ареста, уехал с белыми на юг. Он кипел и возмущался. Центральная тема его первых после-революционных публикаций: «За что они Россию так!» Аверченко даже обращался к Ленину: «Брат мой Ленин! Зачем вам это? Ведь все равно все идет аквирь и вкось и все недовольные».

Аверченко советовал вождю: «Сбросьте с себя эти скучные, сухие обязанности, представьте их профессионалам, а сами сделайте таким же свободным, вольным человеком, такой же беззаботной птицей, как я... Будем вместе гулять по теплым улицам, разглядывать свежие

женские личики, любоваться львами, медведями, есть шашлык в кавказских погребках и читать великого мудрого Диккенса - этого доброго обывателя с улыбкой Бога на устах...»

Но вождь не хотел стать обывателем, он жаждал быть преобразователем России и мира, и от этих преобразований вздрогнули миллионы. Пришлось Аркадию Тимофеевичу покинуть Россию, устроившись вождями-большевиками «кровавый балаган», и напоследок швырнуть новой власти свой сборник «Дюжину ножей в спину революции».

Аверченко покинул Россию в пароходном трюме на угольных мешках. О своем путешествии тут же написал в книжке «Записки Простодушного. Я и Европа». В Константинополе, куда прибыл Аверченко, было густо от русских беженцев. Поначалу Аверченко организовал кабак «Гнездо перелетных птиц», но удержаться, как он сам выражался, в «константинопольском зверинце», ему не удалось. И в апреле 1922 года Аверченко отплыл от турецкого берега и перебрался в Софию, затем Белград и, наконец, в Прагу. В Праге Аверченко обосновался на постоянное жительство. Начал печататься в газете «Прагер пресс», писал рассказы, выступал с гастролями по Прибалтике, Польше и Германии. Здесь, в Праге, написал свои последние книги «Рассказы циника» и роман «Шутка мецената» - по существу воспоминания о беззаботной богемной петербургской жизни.

Бывший эстет, развлекатель, обличитель мещанства преградился в откровенного циника. Незадолго до смерти Аверченко сетовал: «Какой я теперь русский писатель? Я печатаюсь, главным образом, по-чешски, по-немецки, по-румынски, по-болгарски, по-сербски, устраиваю вечера, выступаю в собственных пьесах, разъезжаю по Европе, как завязтый гастролер».

Как и многие русские, Аркадий Аверченко болел «смертельной тоской по России». Ностальгия перешла в настоящую болезнь сердца. А тут еще неприятности с глазами. Сделали операцию - неудачно. 28 января 1925 года его почти в бессознательном состоянии положили в клинику при Пражской городской больнице. 12 марта 1925 года, в возрасте 44 лет, Аверченко скончался. Диагноз: почки полное ослабление сердечной мышцы, расширение аорты и склероз гчек. Его похоронили на Ольшанском кладбище в металлическом гробу, в специальном футляре, - по завещанию, Аверченко надеялся обрести покой все же не в Чехии, а в России.

В некрологе Надежда Тэффи писала: «Многие считали Аверченко русским Твенем. Некоторые в свое время предсказывали ему путь Чехова. Но он не Твен и не Чехов. Он русский чистокровный юморист, без надрыва и смеха сквозь слезы. Место его в русской литературе свое собственное, я бы сказала - единственного русского юмориста. Место, оставленное им, наверное, долгие годы будет пустым. Разучились мы смеяться, а новые, идущие на смену, еще не научились».

Тут с Тэффи можно поспорить. Смеховая культура в России неистребима: смех и юмор позволяют выжить народу в любых общественных формациях, при любых социальных экспериментах. Ушел Аркадий Аверченко. Пришли новые: Михаил Зощенко, Даниил Хармс, Николай Эрдман, Фазиль Искандер, Владимир Войнович и другие смеха-чи и мастера острого слова. Они пошли дальше по дороге, протоптанной Аркадием Аверченко.

«Вот и все. Просто и мило. Шаловливо и изящно», - как писал Аверченко.

Юрий ВИЗЛЯНСКИЙ.